ПРОВЕРЕНО

В. А. Богородицкій.

ИЗЪ ЧТЕНІЙ

ПО СРАВНИТЕЛЬНОЙ ГРАММАТИКѢ

ИНДОЕВРОПЕЙСКИХЪ ЯЗЫКОВЪ.

Вып. 2-ой.

Оттискъ изъ „Русск. Филолог. Вѣстн.“

ВАРШАВА.

Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа.
Королевская № 13.

1895.

ПРОВ. 1955

Р
5775
Бог

Дозволено Цензурою.
Варшава, 24 апрѣля 1895 года.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
278
52

ОБЪ ОСНОВНЫХЪ ФАКТОРАХЪ

МОРФОЛОГИЧЕСКАГО РАЗВИТІЯ ЯЗЫКА.

Морфологія языка изучаетъ *знаменательный составъ и знаменательныя категоріи словъ* или, что то же, — морфемы и части рѣчи. Слова по характеру своего значенія и вмѣстѣ съ тѣмъ своей формы располагаются въ нашемъ умѣ въ тѣ наиболѣе крупные разряды, которые именуются *частями рѣчи*. Въ то же время слова могутъ разлагаться на знаменательныя части, называющіяся обыкновенно *морфологическими частями словъ* или — короче — *морфемами*. Такъ какъ я уже не разъ объяснялъ психологическій путь образованія въ нашемъ умѣ морфологическихъ частей слова (каковыми являются корень, префиксъ, суффиксъ, основа и окончаніе), то считаю излишнимъ повторять въ настоящей статьѣ высказанное раньше и ограничусь двумя-тремя частными замѣчаніями о морфемахъ. *Различіе корня и основы* состоитъ въ томъ, что корень составляетъ основаніе въ цѣломъ гнѣздѣ словъ, основа же — въ флексійной системѣ (въ склоненіи, спряженіи) того или другаго слова. [1]) Корни вмѣстѣ съ соединенными съ ними префиксами и суффиксами, образуя основу слова или тему, служатъ для составленія *собственнаго значенія словъ*, присоединяющіяся же къ основѣ окончанія служатъ для показа-

[1]) Что касается *частицъ*, то по происхожденію своему онѣ представляютъ вообще „окостенѣвшія“ флексійныя формы.

нія *отношеній* между собственными значеніями словъ въ предложеніи. Такимъ образомъ слова, распадаясь на основу и соединяющіяся съ нею окончанія, представляютъ сочетаніе *матеріальнаго* и *формальнаго* элементовъ:

Преф + Кор + Сф + Ок

Отдѣлъ *матеріальный* въ словѣ или основа

Элементъ *формальный* въ словѣ.

Кромѣ словоизмѣненія или флексіи языкъ представляетъ еще явленіе словопроизводства. *Словопроизводство* касается морфемъ, образующихъ собственное значеніе слова, въ чемъ легко убѣдиться на любомъ изъ многочисленныхъ примѣровъ, положимъ

си́л-а < *сил-а́ч*
сил-а́ч-а́.

Во взятомъ нами примѣрѣ собственное значеніе производящаго имени — извѣстное качество; отъ него произведено сущ. муж., составленное изъ основы производящаго + суф. *ач*, и представляющее уже новое собственное значеніе: оно обозначаетъ лицо, обладающее въ большой степени тѣмъ качествомъ, которое обозначено производящимъ именемъ. Если окончанія мы назовемъ *формальными* элементами словъ, то суффиксы и префиксы, какъ элементы, служащіе для словопроизводства, т. е. для полученія новыхъ собственныхъ значеній, можно было бы назвать *матеріально-формальными*. Къ словообразованію принадлежатъ еще разнаго рода *словосложенія*.

Отъ предварительныхъ замѣчаній перейдемъ къ обзору *основныхъ факторовъ* морфологическаго развитія языка. Уже изъ предыдущаго вытекаетъ, что факторы, обусловливающіе морфологическое развитіе языка, должны быть *преимущественно психологическіе*, такъ какъ область морфологіи составляютъ слова со стороны сво-

его знаменательнаго образованія. Мы говоримъ — „преимущественно“, такъ какъ фонетическія измѣненія могутъ также оказывать вліяніе на морфологическое развитіе языка. Хотя измѣненія фонетическія обусловливаются въ свою очередь цѣлымъ рядомъ факторовъ, но анализъ послѣднихъ относится къ фонетикѣ, а потому здѣсь мы можемъ ограничиться собирательнымъ названіемъ „*фонетическаго*“ фактора.

Значеніе фонетическаго фактора для морфологіи состоитъ въ томъ, что морфемы, благодаря фонетическимъ измѣненіямъ, развѣтвляются на двѣ и болѣе, при одномъ и томъ же значеніи. Ср. *пек*-у || *печ*-ешь: нѣкогда и во второмъ случаѣ корень звучалъ такъ же, какъ и въ первомъ случаѣ, т. е. *пек*-, но при слѣдующемъ палятальномъ гласномъ согласный *к* постепенно переродился въ *ч*, и такимъ образомъ получились на мѣсто одного вида корня двѣ его разновидности. Тотъ же процессъ развѣтвленія наблюдается и въ придаточныхъ морфемахъ. Такъ, образованія **сѫн-имати** или **сѫн-ѣсти** || **съ-творити** могутъ служить иллюстраціей возникновенія разновидностей въ префиксѣ: префиксъ **сѫн** сохранилъ **н** при нѣкоторыхъ благопріятныхъ условіяхъ, но утратилъ этотъ согласный въ положеніи передъ другимъ согласнымъ (кромѣ *j*) еще въ эпоху исчезновенія согласныхъ съ конца слоговъ и словъ, переживавшуюся всѣми славянскими языками. Въ примѣръ развѣтвленія одного и того же первоначально суффикса на два и болѣе можно привести образованіе превосходной степени въ латинскомъ языкѣ; основной видъ суффикса *-timus* (ср. op-*timus*) послѣ *c* измѣнился въ *-simus* (maximus, т. е. mac-*simus*), послѣ *r* въ *-rimus* (miser-*rimus*) и послѣ *l* въ *-limus* (facil-*limus*), вообще въ зависимости отъ природы предшествующаго согласнаго. Путемъ такихъ фонетическихъ измѣненій, ведущихъ къ развѣтвленію морфемъ, умножается запасъ внѣшнихъ или выразительныхъ средствъ языка. А такъ какъ съ духовнымъ развитіемъ человѣка возникаютъ и новые оттѣнки мысли, для которыхъ гово-

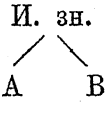
рящіе ищутъ особое обозначеніе, то указанный избытокъ словесныхъ средствъ, какъ увидимъ дальше, оказывается въ этомъ случаѣ полезнымъ для развитія языка: языкъ нерѣдко приспособляетъ выработавшіяся въ немъ фонетическимъ или же инымъ путемъ разновидности морфемъ къ обозначенію вновь возникающихъ оттѣнковъ мысли. Вообще, въ ходѣ развитія языка совершается непрерывное приспособленіе между внутренней и внѣшней его сторонами.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію факторовъ *собственно морфологическихъ*, имѣющихъ психологическій характеръ. Они слѣдующіе:

I) *Аналогія*,
II) *Дифференціація;*
III) *Опрбщеніе*,
IV) *Переразложеніе* или *абсорпція*.

Изъ этихъ факторовъ первый и второй связаны между собою.

I. *Аналогія*. Каждая морфологическая часть представляетъ идею значенія и ассоціированный съ нею звуковой комплексъ. Съ развѣтвленіемъ послѣдняго идея значенія вступаетъ въ сочетаніе уже съ двумя или болѣе звуковыми комплексами (назовемъ A, B . . .):



Но можетъ случиться, что идея значенія не одинаково тѣсно и прочно связана съ тѣмъ и другимъ комплексомъ. Пусть она связана сильнѣе съ B; тогда возможно, что ею будетъ вызываться комплексъ B даже и тамъ, гдѣ прежде вызывался комплексъ A. Про такіе случаи выражаются, что въ нихъ морфема B явилась „по аналогіи“. Если мы останемся при одномъ изъ прежнихъ примѣровъ, именно: *пеку* || *печешь*, то такія формы народныхъ великорусскихъ говоровъ, какъ *пекёшь*, *пекётъ*..., представляютъ распространеніе по аналогіи морфемы *пек-*, свойственной 1 ед. и 3 мн., на формы прочихъ лицъ

того же времени. Можно возразить, что въ простонародныхъ формахъ *пекёшь*, *пекётъ* (выговарив. п'єк'о́ш, п'єк'о́т) и т. д. согласный *к* выговаривается мягко, между тѣмъ какъ въ 1 ед. и 3 мн. — твердо, и слѣд. въ морфемѣ п'єк'- нельзя видѣть указаннаго распространенія по аналогіи. На это замѣтимъ: а) морфема *пек-*, распространяясь на среднія лица, должна была подвергнуться перемѣнѣ, чтобы гармонировать съ другими глаголами, корень которыхъ оканчивается на согласный незаднеязычный, напр. *веду* ‖ *ведемъ* (в'єд'о́м) и т. п.; б) встрѣчаются въ говорахъ и такія образованія, какъ *пекошь* и пр., и таковыя гармонируютъ съ глаголами, корень которыхъ оканчивается твердымъ шипящимъ, т. е. *ржу́ ржешь* (выгов. р ж о́ ш). Теперь мы видимъ, что процессъ аналогіи сложнѣе, чѣмъ могло показаться съ перваго раза; то, что образованія по аналогіи, какъ мы видѣли, возникаютъ въ гармоніи съ другими типами, можно опредѣлить какъ *моментъ пропорціональности* въ образованіяхъ по аналогіи. Замѣтимъ еще, что если факторъ фонетическій вызываетъ внѣшнее разнообразіе морфемъ, то факторъ аналогіи, наоборотъ, водворяетъ вторично однообразіе, устраняя лишнія разновидности морфемъ и служа такимъ образомъ къ *удобству памяти*.

Что касается *условій большей или меньшей устойчивости* отдѣльныхъ разновидностей морфемы, то главнымъ образомъ приходится отмѣтить бо́льшую частоту употребленія и бо̀льшую выразительность, т. е. удерживается та разновидность морфемы, которая оказывается выразительнѣе, или чаще употребляется, а также имѣетъ значеніе и бо̀льшая приспособленность той или другой разновидности къ фонетико-морфологическому строю языка. Впрочемъ, изслѣдованіе этихъ и подобныхъ моментовъ дѣйствія аналогіи сильно затрудняется тѣмъ, что легко впасть въ гадательный и произвольный субъективизмъ при оцѣнкѣ условій процесса (для большей объективности выводовъ въ этомъ случаѣ важно приложеніе статистической методы къ изслѣдованію морфологи-

ческихъ явленій). Менѣе труднымъ, но едва ли не болѣе важнымъ нужно признать изученіе процесса аналогіи въ другомъ отношеніи. Я имѣю въ виду изученіе *направленій въ дѣйствіи аналогіи;* это значитъ, что при изслѣдованіи явленій аналогіи необходимо слѣдить за тѣмъ, въ какой сферѣ и затѣмъ—откуда и куда распространяется одна разновидность морфемы на мѣсто другой. Чрезъ примѣненіе такого способа разсмотрѣнія въ области каждой изъ частей рѣчи окажется рядъ направленій, изученіе которыхъ приведетъ къ установленію эмпирическихъ законовъ аналогіи для даннаго языка, имѣющихъ такое же значеніе для морфологіи, какое имѣютъ звуковые законы для фонетики. Желая иллюстрировать вопросъ объ изученіи направленій въ дѣйствіи аналогіи рядомъ примѣровъ, замѣчу, что имѣемъ ли дѣло со склоненіемъ или же спряженіемъ, нужно различать аналогію *матеріальную* и *формальную*, а при этомъ нужно отдѣлять случаи аналогіи при флексіи отъ случаевъ при словопроизводствѣ и словосложеніи въ сферѣ однѣхъ и тѣхъ же частей рѣчи. Сначала я представлю примѣры изъ склоненія, а затѣмъ изъ спряженія.

А. *Склоненіе.*

а) Аналогія матеріальная.

Распространеніе вида основы съ однихъ падежей на другіе соотвѣтственно одинаковости основы въ другихъ случаяхъ того же или подобнаго типа склоненія:

берёзѣ, мёдѣ, рёберъ и др. (стр. 234—235). [1])

млр. дзвінóк, γірок и др. (стр. 241—242).

волѫ, волѫи, ногѣ, ноги и т. п.

πόλεσι, ἥδεσι вм. *πολισι, ἥδυσι — по аналогіи къ

---

[1]) Ссылки на страницы безъ наименованія книги означаютъ мой Курсъ грамматики русскаго языка. Часть 1-ая: Фонетика (1887).

другимъ трехсложнымъ падежнымъ формамъ тѣхъ же словъ, напр. πόλεως, ἡδέος.

χρυσοῦς вм. *χρύσους „золотой“ — аналогія относительно ударенія. [1])

περίπλου вм. *περιπλοῦ, и т. п. [1])

скт. vr̥ka (Зв. ед.) вм. *vr̥ca, и т. п.

Появленіе въ основѣ новаго чередованія—вслѣдствіе ошибочнаго отнесенія словъ одного типа въ другой подъ вліяніемъ фонетическаго совпаденія этихъ типовъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ:

б'ода́, р'ока́ и т. п. — черезъ посредство б'ед'ѣ́, р'ек'ѣ́ (стр. 196, 211, 213).

з'в'о́зды̆, гн'о́здъ̆ ... (стр. 235—236).

огонь, вѣтеръ ... (стр. 253); ср. также сожечь ... (стр. 252).

κέρατος ... рядомъ съ κέρως (изъ *κερασος) — по аналогіи къ именамъ съ основою на -ατ- (напр. σῶμα σώματος), съ которыми слова подобныя данному совпадали въ Д. мн.

Распространеніе при словопроизводствѣ вида основы производящаго на производное съ тѣмъ гласнымъ, какой имѣетъ производящее въ падежѣ наименованія (Именительномъ):

огонёчекъ, кулёчекъ, валёчекъ (стр. 99, 235).

б) Аналогія формальная.

α) Распространеніе формы съ одного падежа на другой въ одномъ и томъ же типѣ подъ вліяніемъ смысло-

---

[1]) Въ этихъ примѣрахъ можно говорить какъ о матеріальной, такъ и формальной аналогіи, т. е. какъ о распространеніи ударяемаго resp. неударяемаго вида основы, такъ и о распространеніи ударяемаго resp. неударяемаго типа окончаній. Такая двойственность воззрѣнія происходитъ отъ того, что основа всегда является въ соединеніи съ окончаніями, при чемъ если основа не имѣетъ ударенія, то значитъ — сопровождается ударéніемъ окончаніе, и наоборотъ. Изъ этихъ примѣровъ видно, что не всегда можно провести рѣзкую границу между двумя видами аналогіи.

вой близости этихъ падежей (напр. Nom. и Voc., Acc. и Nom., Dat. и Loc., Gen. и Abl.), или же подъ вліяніемъ пропорціональности, именно — одинаковости соотвѣтствующихъ формъ въ другихъ типахъ. [1])

пріятель! кумъ! и т. п. ὦ φόρμιγξ! ὦ μάστιξ! ... Распространеніе Им. на Зв.; обычность такого направленія (а не обратнаго) обусловливается, вѣроятно, большею частотою употребленія существительныхъ въ падежѣ простаго именованія, между тѣмъ какъ форма призывающаго наименованія обыкновенно примѣняется лишь въ названіяхъ лицъ.

влъкъ, царь и т. п. — получили свои окончанія изъ Вин., при вліяніи со стороны типовъ **сынъ, пѫть**.

франц. cheval = лат. caballum, chevaux = caballos и т. п., т. е. Им. отражаетъ собою во франц. древній объективный падежъ (Вин.).

πόλεις, γλυκεῖς, εὐγενεῖς (Вин. мн.)—„графическая“ аналогія къ И. мн., вслѣдствіе наступившей одинаковости произношенія ει и ῃ.

γένῃ (И. В. Зв. дв.) — графическая аналогія къ тому же падежу множ. числа.

раба, крам (Р. ед.) — распространеніе Abl. sg. на Gen., вслѣдствіе совпаденія этихъ падежей въ нѣсколькихъ типахъ склоненія.

сыноу (Дат. ед.), имѣющееся рядомъ съ **сыноки**, — распространеніе Мѣстнаго пад., благодаря одинаковости этихъ падежей въ нѣкоторыхъ типахъ (ср. **женѣ, кости**) [2]).

---

[1]) Конечно, могутъ быть также случаи соединенія обоихъ вліяющихъ моментовъ, т. е. смысловой близости и пропорціональности.

[2]) Какъ увидимъ ниже, форма на **-оу** Дат. ед. изъ типа **сынъ** перешла во второе скл., напр. **рабоу, царю** и т. п. При такомъ взглядѣ я считаю возможнымъ объяснить такъ называе-

жены, земля (Р. ед.)—какъ кажется, по аналогіи къ И. (=Вин.) мн., вслѣдствіе одинаковости этихъ падежей въ нѣкоторыхъ типахъ; здѣсь, разумѣется, нѣтъ никакой смысловой близости, а только простая пропорціональность.

ἀπὸ τοῦ ἀνθρώπου, ἀπὸ τοῦ ἵππου — распространеніе формы Gen. на Abl. [1])

ἐν τῇ χώρᾳ, ἐν τῷ ἵππῳ — распространеніе формы Dat. на Loc. [1])

equae (Dat. sg. 1-го скл.) — аналогія къ Loc.

β) Распространеніе формы одного и того же падежа изъ одного типа въ другой:

окно, полѣ (И. В. ед.) — по аналогіи къ родовому мѣстоименному склоненію (**то, ѥ**).

рабы, царѣ (И. мн.) — по аналогіи къ мѣстоименному склоненію.

рабоу, краю (Д. ед.) — по аналогіи къ типу **сынъ**.

снѣгу, песку .... (Р. ед.), на полу̀, въ углу̀ .... (Предл. ед.) — по аналогіи къ древнему склоненію типа *сынъ*.

п'іс'мы̀, ру́жьі ... (стр. 153).

народн. дождёвъ, картовъ ... (стр. 97—98) [2])

мый „Дательный“ самостоятельный въ славянскомъ какъ первоначальный Locativus absolutus, что̀ такъ естественно для смысла Мѣстнаго падежа; славянскій имѣлъ Мѣстный независимый подобно санскриту.

[1]) Эти случаи нужно понимать такъ, что вслѣдствіе распространенія по аналогіи форма стала одна, а падежныхъ смысловъ по прежнему два. Пора бы и въ школьныхъ грамматикахъ въ отдѣлѣ синтаксиса говорить въ такихъ случаяхъ не о смысловыхъ оттѣнкахъ одного и того же падежа, но о двухъ разныхъ падежныхъ смыслахъ, двухъ разныхъ падежахъ (Gen. и Abl., Dat. и Loc.) при одной и той же формѣ.

[2]) Независимо отъ русскаго такое же направленіе аналогіи замѣчается также въ польскомъ: dżdżów или deszczów (при И. ед. deszcz изъ *-żdż ; Р. ед. dżdżu), dniów ..., kartów, zapałków ...

землёю . . . (стр. 235) — распространеніе падежнаго окончанія изъ твердой разновидности того же склоненія въ мягкую.

народн. Устиньёй (стр. 208), заднёё (стр. 203).

землѣ, волѣ (Д. Пр. ед., ст.-сл. ꙁемл҃и, вол҃и) — аналогія къ твердой разновидности склоненія.

серб. рибē (Р. ед., гдѣ *-е* фонетически соотвѣтствуетъ ст.-сл. -ѧ) — по аналогіи къ соотвѣтствующему мягкому склоненію.

χῶραι, οἶκοι (И. мн.) — по аналогіи къ мѣстоименному склоненію.

πόλεσι . . . имѣетъ -σι по аналогіи къ третьему согласному склоненію.

Σωκράτην (В. ед.), рядомъ съ Σωκράτη, по аналогіи къ первому скл. (Ἀλκιβιάδης).

лат. mens*ae*, hortī (И. мн.) — по аналогіи къ родовому мѣстоименному склоненію (illae, illī).

rurī — по аналогіи къ основамъ на -i-.

-ius, вм. -īs, въ мягкомъ второмъ латин. склон. (ср. древнія формы Cornelis, alis) — по аналогіи къ соотвѣтствующему твердому склоненію.

-ie вм. -ī въ Зв. ед. того же склоненія — по аналогіи къ твердой разновидности.

скт. -a-s-ya (áçvasya, Р. ед.) вм. *a-ya [1]) во второмъ именномъ склоненіи—по аналогіи къ мѣстоименному склоненію.

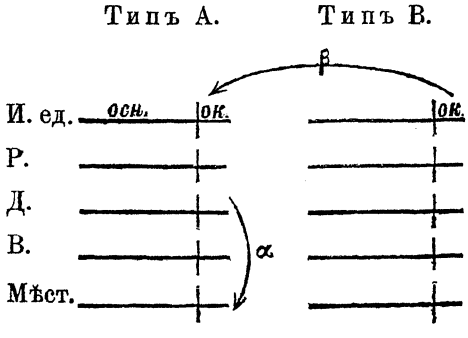
---

[1]) Укажемъ кстати на воззрѣніе Mahlow'a (Die langen Vocale A E O in europäischen Sprachen, стр. 165), сопоставляющаго съ **-jo* славянское *-go* и сверхъ того выставляющаго рядъ **taja = togo → toho, *tovo*. Напрасно однако Mahlow послѣднюю форму отмѣтилъ звѣздочкой, она дѣйствительно существуетъ въ русскомъ языкѣ. Что же касается предполагаемыхъ имъ звуковыхъ переходовъ, то мы не знаемъ другихъ случаевъ такого звуковаго измѣненія въ славянскихъ языкахъ, а потому должны отнести указанное объясненіе къ разряду объясненій *ad hoc*. Правда, и самъ Mahlow признаетъ исключительность

-ā-y-ās вм. *-ās (G. Abl. перваго склоненія, напр. áçvāyās) — подъ вліяніемъ склоненія основъ на -ī-.

-ā-y-āi, рядомъ съ вед. -āi: окончаніе съ *y* перешло въ первое склоненіе изъ склоненія основъ на -ī-, куда предварительно перешло окончаніе -āi изъ перваго склоненія.

Примѣч. Различаемыя нами двѣ категоріи (α и β) формальной аналогіи можно графически иллюстрировать слѣдующимъ образомъ:



Случаи β, т. е. представляющіе распространеніе окончанія того же самаго падежа изъ одного типа склоненія въ другой, могутъ быть располагаемы въ градаціи по степени взаимной близости этихъ типовъ (напр.: мѣстоименное и именное склоненіе; разные типы именнаго склоненія; разновидности склоненія одного и того же типа).

выставляемаго имъ фонетическаго ряда, но онъ въ оправданіе свое ссылается на то, что въ мѣстоименіяхъ вообще встрѣчаются особенности въ развитіи звуковъ. Легко однако замѣтить, что при такомъ способѣ оправданія можно доказывать любой звуковой переходъ. Очевидно, что для славянскихъ суф. *-go* и *-vo* нужно искать другаго объясненія. Быть можетъ, слав. суф. *-vo* находится въ сродствѣ съ греч. суф. -Fo, встрѣчающимся въ одной коркирской надписи (см. Mahlow, l. c.; G. Meyer Griechische Grammatik стр. 335 сноска 2). Подобнымъ образомъ и для *-go* нужно предположить особый падежный суффиксъ.

Б. *Спряженіе.*

а) Аналогія матеріальная.

Распространеніе вида основы съ однихъ лицъ на другія въ томъ же времени:

векú . . . ; *народн.* пекетъ . . . (стр. 90—100). Въ *малор.* аналогія приняла въ наст. времени другое направленіе: печý, мóжу; такое же направленіе независимо отъ малорус. аналогія приняла въ санскритѣ: pácāmi . . . (стр. 286—287).

δοίην (жел. накл.): ι явилось по аналогіи ко множ. и двойств. (δοῖμεν . . .) и къ формамъ Medii (δοίμην . . .), такъ какъ должно было чувствоваться существеннымъ для желат. накл.

ἦα „я шелъ“ вм. *ἦα — графическая аналогія къ другимъ лицамъ того же времени (ср. ἦμεν...)

φημί, φησί — удареніе по аналогіи къ двойств. и и множ.

ἴμεν, ἴτε — удареніе по аналогіи къ ед. числу.

франц. aimons, aimez вм. древнихъ формъ amons, amez — по аналогіи къ ед. ч. и 3 мн., гдѣ *ai* получалось фонетическимъ путемъ изъ ударяемаго *a* (ср. лат. *á*mo ‖ *a*mámus).

Распространеніе вида основы съ одного времени или наклоненія на другое время или наклоненіе:

πέφευγα вм. *πέφουγα.

франц. *ai*mer (неопр.) — по аналогіи къ тѣмъ формамъ наст. вр., гдѣ *ai* получилось фонетически. [1])

---

[1]) Относительно сильнаго ассимиляціоннаго вліянія, какое должно было оказывать praesens на infinitivus въ ст.-слав., ср. Н. В. Крушевскій К вопросу о гунѣ. Изслѣдованіе въ области старославянскаго вокализма (1881) стр. 48—50, 75.

Появленіе въ основѣ новыхъ чередованій и звуковъ вслѣдствіе ошибочнаго отнесенія слова въ другую группу:

б'о́к, на́д'о́вьн... (стр. 236).

τέτροφα (отъ τρέπω) — по аналогіи къ глаголамъ, корень которыхъ оканчивался придыхательнымъ согласнымъ.

ἧνυσμαι вм. *ἧνυτμαι.

πέπλευσμαι, ἐπλεύσθην: σ вторичнаго происхожденія.

Матеріальная аналогія въ denominativ'ныхъ глаголахъ:

βασιλεύω: по-видимому имѣется случай сохраненія υ между гласными, но онъ можетъ быть объясненъ аналогіей къ производящему имени въ Имен. падежѣ, т. е. βασιλεύς < βασιλεύω. [1])

б) Аналогія формальная.

Распространеніе окончанія извѣстнаго лица изъ одного *залога* въ другой:

-ши (-си): **ѹьтєши, вѣси** — предполагается медіальное окончаніе.

-ī (лат. перф.) — предполагается также перенесеніе изъ Medium'a (= скт. -ē).

Распространеніе въ одномъ и томъ же залогѣ окончанія того же лица и того же времени изъ одного *типа* въ другой:

скт. bhárāmi вм. *bhárā? [2])

---

[1]) Впрочемъ, быть можетъ, βασιλεύω представляетъ собою чисто фонетическое развитіе изъ *βασιλευ-jω.

[2]) На основаніи того, что въ греческомъ (равно какъ и въ другихъ родственныхъ языкахъ европейскаго отдѣла) въ 1 ед. настоящ. изъявит. существуетъ два личныхъ признака: -ω въ тематическомъ или первомъ спряженіи и -μι въ спряженіи нетематическомъ или второмъ, принимаютъ, что и въ праязыкѣ индоевропейскомъ для той же формы имѣ-

болг. д'а́лам, *пол.* kochа́m, *чеш.* volа́m, chvalí*m*, *серб.* играм, хвалим, плетем . . . — аналогія къ глаголамъ типа дамь.

хо́д'ӯт, в'ід'ӯт . . . (стр. 156).

эол. φίλημι, δοκίμωμι.

δίδοσαι вм. *δίδφ.

μεμάχ-ημαι — по аналогіи къ глаголамъ, корень которыхъ кончался на *η*.

Распространеніе въ одномъ и томъ же залогѣ окончанія изъ одного *наклоненія* въ другое:

φέροιμι (желат.) — распространеніе окончанія изъяв. накл. наст. вр. втораго спряж. на желат. накл.

лись два соотвѣтствующихъ личныхъ суффикса *-ō и *-mi. Однако такому заключенію противорѣчитъ тотъ фактъ, что въ индоиранскихъ языкахъ въ обоихъ спряженіяхъ имѣется *-mi*. Противорѣчіе это стараются разрѣшить предположеніемъ, что въ индоиранскихъ языкахъ *-mi* въ тематическое спряженіе перешло путемъ аналогіи изъ втораго или нетематическаго спряженія. Однакожъ такое предположеніе, по моему мнѣнію, не является необходимымъ. Какъ извѣстно, въ древнеиндійскомъ языкѣ, именно въ Ригведѣ, существуетъ для 1 ед. признакъ -ā, вполнѣ соотвѣтствующій греческому -ω, но только употребляющійся въ сослагательн. наклоненіи. Такимъ образомъ, въ древнеиндійскомъ личные суффиксы -ā и *-mi* являются дифференцированными не по двумъ типамъ спряженія, а по наклоненіямъ. На какомъ же, спрашивается, основаніи предпочитаютъ принять для праязыка первую (европейскую) дифференціацію, а не вторую (древнеиндійскую или даже, можетъ быть, индоиранскую), или не обѣ вмѣстѣ? Развѣ не могло быть, что во времена праязыка дифференціація разсматриваемыхъ личныхъ признаковъ еще только устанавливалась и что она приняла разное направленіе въ двухъ отдѣлахъ праязыка: по наклоненіямъ—въ отдѣлѣ, соотвѣтствовавшемъ языкамъ индоиранскимъ, и по двумъ типамъ спряженія — въ отдѣлѣ, соотвѣтствовавшемъ языкамъ европейскимъ. Во всякомъ случаѣ нельзя, мнѣ кажется, общепризнаваемую гипотезу о дифференціаціи окончаній 1 ед. наст. въ праязыкѣ считать твердо установленною.

перваго спряж., хотя желат. наклоненію свойственны окончанія прошедшихъ временъ. Распространеніе произошло благодаря одинаковости нѣкоторыхъ окончаній въ этихъ наклоненіяхъ (-τον, -μεν, -τε) и, быть можетъ, уже послѣ возникновенія во 2 ед. наст. времени формъ съ окончаніемъ прошедшихъ временъ -ς.

-θα у Гомера въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказывается распространившимся изъ изъявит. накл. на соотвѣтствующее лицо сослагательнаго и желательнаго (см. G. Meyer Griechische Gram. стр. 409).

Распространеніе въ томъ же залогѣ, типѣ и наклоненіи окончанія изъ одного *времени* въ другое:

берж вм. *бера — по аналогіи къ прош. врем., т. е. *bherā+m.

φέρεις (вм. *φερει ← *φέρεσι), δίδως (вм. *δίδφ ← *διδωσι) — по аналогіи къ прошедшимъ временамъ, т. е. φέρει+ς δίδω+ς, а затѣмъ путемъ дальнѣйшей аналогіи и въ третьемъ лицѣ перваго спряженія появились формы въ видѣ φέρει, ἄγει и пр.

ἔφυσθα и др. — окончаніе перешло изъ перф.

λεγόντω-ν (3 мн. повел.): -ν прибавилось по аналогіи къ соотвѣтствующему лицу прошедшихъ временъ.

-m, -s, -t, -nt въ лат. въ наст. врем. являются распространеніемъ изъ прошедшихъ временъ.

Распространеніе окончанія изъ одного *числа* на ту же форму другаго числа:

-μεν въ первомъ лицѣ двойств. числа.

Вліяніе относительно вида окончанія однихъ *лицъ* на другія въ томъ же времени:

ведёте... (стр. 235).

млр. вэдэтц'а (стр. 242).

Вліяніе мѣстоименныхъ и даже именныхъ формъ, стоящихъ въ роли подлежащаго, на видъ глагольныхъ окончаній (аналогія между *частями рѣчи*):

-ва || **-вѣ** (1 двойств.), **-та** || **-тѣ** (2. 3. двойств.). [1])

-мъı вм. **-мъ** — по аналогіи къ мѣстоименной формѣ **мы**.

Примѣчаніе. Дѣйствіе аналогіи не ограничивается распространеніемъ отдѣльныхъ окончаній на мѣсто другихъ. Путемъ аналогіи могутъ смѣшиваться и исчезать цѣлыя категоріи формъ наклоненія, времени, числа и пр. (ср. въ слав. распространеніе формъ желат. накл. на мѣсто повел.; далѣе, въ слав. утерялась категорія перфекта, а въ лат. она смѣшалась съ образованіями аориста; двойственное число обычно вытѣсняется множественнымъ; благодаря аналогіи нерѣдко слова одного флексійнаго типа переходятъ постепенно въ другой, что̀ можетъ повести къ полному исчезновенію извѣстнаго типа въ языкѣ). Но, вызывая упрощенія во флексіи языка, аналогія способствуетъ и созданію новыхъ категорій; ср. развитіе путемъ аналогіи цѣлаго ряда глагольныхъ формъ времени въ греч., напр. перф. на -κα, перф. „съ аспираціей“, аор. II стр. на -ην (напр. ἐτράπην и т. п.), или въ слав. и литов. богатую категорію „видовъ“ глагола.

Изученіе направленій въ ходѣ аналогическихъ образованій приводитъ къ слѣдующимъ общимъ замѣчаніямъ. 1) Когда при образованіяхъ по аналогіи получаетъ распространеніе какое-либо звуковое чередованіе, то такое направленіе выдерживается и съ теченіемъ време-

---

[1]) Различіе по родамъ **-та** (муж.) || **-тѣ** (ж. и ср.) встрѣчается уже въ древнѣйшихъ памятникахъ. Различеніе по родамъ **-ва** (муж.) || **-вѣ** (ж.) создалось только въ позднѣйшую пору и, по-видимому, искусственно (у Смотрицкаго); впрочемъ такая же дифференціація существуетъ въ современномъ словинскомъ. [Ср. Буличъ С. Церковно-славянскіе элементы (1893) стр. 316].

ни все болѣе расширяется. Типичнымъ примѣромъ можетъ служить исторія *е* и *ъ* въ великорусскомъ нарѣчіи; въ области этихъ гласныхъ мы имѣемъ два ряда чередованій, напр. *јєл'* || *јолка* (въ народныхъ говорахъ также въ нѣкоторыхъ неударяемыхъ положеніяхъ, ср. н'єс'і || н'осу́) и с'є'с'т' || с'ѣ́л. Въ первомъ ряду замѣчается все большее и большее распространеніе путемъ аналогіи гласнаго *о* (ср. берёзѣ; Устиньёй; и пр.), который проникаетъ даже и во второй рядъ (ср. б'о́к; р'ока́); въ малор. мы видимъ подобное же торжество гласнаго *і*. Указывая на роль фонетическаго момента въ образованіяхъ по аналогіи, я однако не придаю въ этомъ случаѣ постоянству направленія значенія закона. Дѣло въ томъ, что, при общемъ фонетическомъ направленіи, въ распространеніяхъ по аналогіи могутъ быть частныя отступленія, зависящія отъ спеціальныхъ, частныхъ условій. Такъ, въ великорусскомъ изрѣдка наблюдается не торжество гласнаго *о* вм. *е*, а наоборотъ — *е* вм. *о*, какъ напр. въ словѣ шестъ, гдѣ ожидалось бы произношеніе *шост (ср. *млр.* шост); я думаю, что здѣсь слово послѣдовало аналогіи такихъ образованій съ первоначальнымъ *ъ* въ корнѣ, какъ *пестъ* (ср. тоже и такія слова съ созвучною группою согласныхъ, какъ *мѣ́сто* || *мѣста́* || *мѣстъ*). [1]) 2) Постоянство направленія въ образованіяхъ по аналогіи наблюдается и въ случаяхъ не фонетическаго характера. Любопытный примѣръ представляетъ борьба двухъ окончаній 1 ед. наст. (*-у* и *-м*) въ исторіи сербскаго языка: наблюдается постепенное распространеніе окончанія *-м*. Изъ изслѣдованія Даничича оказывается, что въ древности окончаніе *-у* было широко распространено въ сербскомъ (т. е. подобно др.-цсл. и соврем. русскому); въ XIII в. встрѣчается уже *-ам* (т. е. подобно соврем. болгар. или польск.), а съ XV в. *-ем* и *-им* (значитъ, съ этого вѣка ведетъ свое начало современное состояніе

[1]) Съ этими образованіями гармонируетъ также слово съ цксл. произношеніемъ — *крестъ*.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
ОНБ ИСТОРИЯ
Общественных Наук
Академии Наук СССР

разсматриваемой глагольной формы сербскаго языка). [1]) Тщательное изученіе исторіи русскаго языка, безъ сомнѣнія, откроетъ не мало примѣровъ такой же постепенности въ ходѣ аналогическихъ образованій и на почвѣ русскаго языка. 3) Аналогическія образованія въ исторіи языка представляютъ собою непрерывающійся рядъ, и подобно тому какъ фонетика стремится представить ходъ фонетическихъ процессовъ въ ихъ послѣдовательности, такъ и морфологія языка должна включить въ предметъ своихъ изслѣдованій возстановленіе послѣдовательности въ ходѣ процессовъ аналогіи (разумѣется — при возможномъ наблюденіи діалектическаго момента). Если для примѣра мы остановимся на аналогическихъ образованіяхъ во флексіи именъ существительныхъ русскаго языка, то данныя памятниковъ позволяютъ указать, между прочимъ, слѣдующую послѣдовательность въ появленіи образованій по аналогіи. Уже въ XI в. наблюдается окончаніе *-у* въ Р. ед. въ словахъ муж. рода втораго склоненія, что указываетъ на смѣшиваніе ихъ относительно склоненія со словами типа *сынъ;* смѣшеніе это, наблюдаемое и въ другихъ славянскихъ языкахъ, могло имѣть начало еще раньше, быть можетъ даже въ славянскомъ праязыкѣ; памятники XII вѣка представляютъ примѣры того же вліянія словъ типа *сынъ* въ падежѣ Мѣстн. (окончаніе *-у*) и Р. мн. (*-овъ*, *-евъ*). Въ XIII в. мы встрѣчаемъ данныя распространенія окончанія *-ы* на И. мн. въ твердомъ склоненіи муж. р. — по аналогіи къ В. мн. того же типа и вмѣстѣ съ тѣмъ подъ ближайшимъ вліяніемъ женскаго склоненія. Въ XIII—XIV в. памятники представляютъ распространеніе окончаній Д. Тв. Пр. мн. (*-амъ*, *-ами*, *-ахъ*) изъ женскаго склоненія на мужское и среднее. Съ XV—XVI в. наблюдается окончаніе *-а* въ И. (Вин.) мн. муж. — по аналогіи къ среднему роду. [2])

---

[1]) См. Брандтъ Р. Грамматическія замѣтки. Т. I (1886)[2] стр. 10.

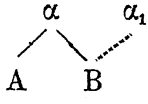
[2]) Соотвѣтствующія данныя изъ памятниковъ см. въ тру-

Мнѣ остается теперь указать на одинъ вымышленный типъ аналогіи, это — такъ называемая „прогибитивная“ аналогія, будто бы препятствующая дѣйствію звуковыхъ законовъ, въ отличіе отъ аналогіи „продуктивной“, при которой морфема переносится изъ однихъ образованій въ другія. Между тѣмъ и въ случаѣ „прогибитивной“ аналогіи мы имѣемъ дѣло, въ сущности, съ обычнымъ дѣйствіемъ аналогіи. Такъ, примѣры въ родѣ δίδοσαι вовсе не представляютъ случая сохраненія σ между гласными вслѣдствіе поддерживающаго вліянія (т. е. прогибитивной аналогіи) со стороны родственныхъ формъ, гдѣ σ стояла не послѣ гласнаго, а послѣ согласнаго. Въ самомъ дѣлѣ, разъ въ греческомъ языкѣ дѣйствовалъ законъ постепеннаго измѣненія междугласнаго σ въ h и затѣмъ въ нуль, то таковой процессъ долженъ былъ имѣть мѣсто и въ такихъ образованіяхъ, какъ *δίδοσαι (→ *δίδοhαι ... *δίδοαι ... *δίδωι ... *δίδφ; ср. соотвѣтствующую форму въ первомъ спряженіи λύῃ), и уже впослѣдствіи, путемъ аналогіи, вторично образовалась форма δίδοσαι, которая слѣдовательно не является фонетическимъ продолженіемъ первоначальной формы, но — новообразованіемъ. Конечно, затруднительно отвѣтить, въ какую именно эпоху получилось это новообразованіе, тогда ли когда уже явилась форма *δίδφ, или же въ одну изъ промежуточныхъ стадій. Само собою разумѣется, что подобные случаи какъ бы возстановленія прежняго звука посредствомъ аналогіи можно выдѣлять въ особую группу, но только не утверждая при этомъ, что процессъ аналогіи въ этихъ случаяхъ отличается чѣмъ-либо отъ процесса обыкновенной аналогіи.

II. **Дифференціація.** Если, съ одной стороны, въ языкѣ въ теченіи времени нарождаются новыя разновидности морфемъ, то, съ другой — вырабатываются и новые

дѣ проф. Соболевскаго Лекціи по исторіи русскаго языка (1891)² стр. 153—154, 154—155, 156, 177, 160—161, 197.

оттѣнки значенія (обозначимъ α, α_1, α_2 . . .). Вмѣстѣ съ тѣмъ языку присуще стремленіе къ выразительности, т. е. чтобы особые оттѣнки значенія имѣли по возможности особое обозначеніе, благодаря чему можетъ случиться, что одна разновидность морфемы закрѣпится за однимъ оттѣнкомъ значенія, другая за другимъ и т. д., и такимъ образомъ произойдетъ „дифференціація“ морфемъ. Пусть въ языкѣ существуетъ оттѣнокъ α, ассоціированный съ двумя разновидностями морфемы — A и B; вырабатывается новый родственный съ прежнимъ оттѣнокъ α_1; теперь за одной разновидностью морфемы можетъ утвердиться одинъ оттѣнокъ, а за другою—другой:



Ежели прежде мы замѣтили объ аналогіи, что благодаря ей одна изъ разновидностей морфемы устраняется, то здѣсь должны прибавить, что такое устраненіе можетъ произойти тогда, когда не представляется повода къ дифференціаціи этихъ разновидностей морфемы. Представимъ нѣсколько примѣровъ дифференціаціи:

φέρω || φόρος, **керж** || **коръ** и т. п. — дифференціація въ распредѣленіи корневыхъ ĕ и ŏ между настоящимъ временемъ глагола и соотвѣтствующимъ существ. 2-го склоненія. Эта дифференціація, проходящая черезъ строй всѣхъ индоевропейскихъ языковъ, должна была возникнуть еще на почвѣ индоевропейскаго праязыка.

скт. pácāmi || pākás и т. п. — дифференціація *c* и *k* между глаголомъ и именемъ. Въ санскритѣ значительно затемнилась древняя дифференціація ĕ || ŏ, но за то рельефнѣе выступила позднѣйшая дифференціація чередованія *c* || *k*.

снѣг*а* || снѣг*у*, напр. въ выраженіяхъ: „цвѣтъ снѣга“ и „много снѣгу“; *-а* служитъ собственно окончаніемъ Р. ед. муж., *-у* преимущественно

употребляется въ именахъ вещественныхъ и вообще измѣряемыхъ, количество которыхъ указывается (casus partitivus), а также въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ. [1])

о снѣгѣ || на снѣгу́: въ первомъ случаѣ форма имѣетъ значеніе объяснительное, а во второмъ — мѣстное (соотвѣтственно съ этимъ второе окончаніе употребляется въ литературной рѣчи лишь при предлогахъ *въ* и *на*). [2])

ве́рхомъ || верхо́мъ, бѣ́гомъ || бѣго́мъ и т. п. — въ формѣ Творит. над. удареніе стоитъ на корнѣ, а въ нарѣчіи на окончаніи. Вообще, *удареніе* нерѣдко служитъ средствомъ дифференціаціи, ср. далѣе: за де́нь || за́-день, за но́чь || за́-ночь...; замо́къ || за́мокъ...; запи́лъ || за́пилъ...; мѣ́ста || мѣста́, снѣ́га || снѣга́...

англ. contest: конте́ст „спорить“, ко́нтэст „споръ“, и др.

польск. w ogrodzie || w bogu, w wilku: внѣшняя

---

[1]) Дифференціація окончаній *-а* и *-у* начинаетъ обнаруживаться еще въ XI в., ср. „отъ льну“ Свят. Сб. 1073 (соединеніе вещественнаго названія съ предлогомъ исходнаго значенія), а затѣмъ появляются примѣры и другихъ оттѣнковъ значенія, ср. въ XIV в. со брегу, до тьргу (исходный и достигательный оттѣнки значенія отъ именъ, не принадлежащихъ къ названіямъ вещественнымъ) и т. п.

[2]) Здѣсь кстати упомянуть, что еще Ломоносовъ указывалъ на то, что церковно-славянское вліяніе на русскій языкъ сказывается предпочтеніемъ окончанія *-а* вм. *-у* (Род. ед.), *-ѣ* вм. *-у* (Предл. ед.); см. Буличъ С. Церковно-славянскіе элементы, стр. 73—75, гдѣ собраны вмѣстѣ замѣчанія Ломоносова, разсѣянныя въ его „Россійской грамматикѣ“ и касающіяся морфологическаго вліянія церковно-славянскаго языка на русскій. Въ мнѣніи А. И. Соболевскаго, будто бы церковно-славянизмы современнаго русскаго языка, почти безъ исключенія, не принадлежатъ морфологіи (см. Ж. М. Н. Пр. 1894, май, стр. 217), я склоненъ видѣть какое-либо недоразумѣніе.

дифференціація двухъ окончаній сообразно съ предшествующимъ согласнымъ—гортаннымъ или же не-гортаннымъ (ср. луж., чеш., серб.).

πέπεικα (τινά) „я убѣдилъ“ || πέποιθα (τινί) „я довѣряю“, и т. п.

горожанинъ || гражданинъ, голова || глава и т. п. — дифференціація однокоренныхъ словъ природныхъ и заимствованныхъ изъ близко родственнаго церковнаго языка. Ср. въ *современномъ армянскомъ* слова и выраженія заимствованныя изъ древне-армянскаго. [1])

франц. sembler || simuler, sevrer || séparer и др.: дифференціація словъ народныхъ и книжныхъ.

англ. ox || beef (франц. boeuf), calf || veal (фр. veau), swine || pork (фр. porc) и т. п.

что || что̀ міръ || миръ *фр.* ou || où *нѣм.* das || dass *н.-цсл.* **рабо́мъ** || **рабѡ́мъ** и т. д.	Дифференціація въ области письма.

Дѣйствіе фактора дифференціаціи такъ же широко распространено въ языкѣ, какъ и фактора аналогіи. Въ индоевропейскихъ языкахъ мы на каждомъ шагу встрѣчаемся съ явленіемъ разнообразія окончаній для одной и той же формы; хотя эти окончанія и не дифференци-

---

[1]) Укажу еще одну параллель изъ *древне-греческаго*: поэзія Гомера, благодаря священному своему характеру, оказала вліяніе на языкъ греческой поэзіи, особенно эпической; подобно тому какъ многія церковно-славянскія слова и формы, чуждыя русской прозѣ, встрѣчаются однакожъ въ стихотворной поэзіи, для которой формы возвышенной рѣчи оказываются подходящими, я думаю, что такъ и своеобразныя гомеровскія формы и слова должны были чувствоваться въ послѣдующей поэзіи грековъ такимъ же возвышеннымъ элементомъ, какимъ чувствуются въ русской поэзіи формы и слова церковно-славянскія.

рованы между собою по смыслу, но они продолжаютъ свое существованіе, будучи дифференцированы внѣшнимъ образомъ — по типамъ склоненія или спряженія, и чѣмъ съ бо́льшимъ удобствомъ для памяти имѣется такое распредѣленіе, тѣмъ устойчивѣе разновидности морфемъ противъ дѣйствія аналогіи. Такимъ образомъ, процессы аналогіи и дифференціаціи основываются на коренныхъ свойствахъ ума воспринимать и сознавать сходство и различіе и вмѣстѣ съ тѣмъ на нѣкоторомъ свойствѣ памяти, а именно: при устраненіи путемъ аналогіи той или другой морфологической разновидности остается та, которая въ силу тѣхъ или другихъ условій лучше помнится, а съ другой стороны—сохраняются нѣсколько разновидностей морфемы, когда онѣ въ своей дифференціаціи легко помнятся.

III. **Опро́щеніе.** Такъ я называю процессъ, когда слово перестаетъ въ живой рѣчи чувствоваться въ своемъ морфологическомъ составѣ, становясь простымъ символомъ представленія, и такимъ образомъ на мѣсто *генетическаго* значенія выступаетъ *реальное*. Говоря о значеніи, имѣю здѣсь въ виду матеріальную часть слова, т. е. сочетаніе морфемъ, служащихъ для образованія собственнаго значенія въ словѣ. Въ сферѣ опрощенія можно намѣтить нѣсколько *градацій*. Первую ступень опрощенія представляютъ слова съ прозрачнымъ морфологическимъ составомъ, отъ котораго однако реальное значеніе болѣе или менѣе удалилось, напр. з а́ б ы т ь, н а́ м ѣ р е н і е, г о л и́ к ъ и т. п. Слѣдующую ступень занимаютъ такія слова, какъ з а́ х о л у с т ь е. Хотя въ этомъ словѣ и выдѣляется спереди префиксъ, указывающій на нахожденіе предмета *за* чѣмъ-либо, но къ префиксу примыкаетъ корень, который не ясенъ и не выдѣляется; сюда же относятся такіе случаи, какъ о́ б у т ь и ра́ з у т ь, гдѣ префиксъ выступаетъ еще яснѣе вслѣдствіе чередованія двухъ префиксовъ для выраженія противоположныхъ направленій дѣйствія. Если мы перейдемъ теперь къ сло-

ву о͡блако, то въ немъ, *кромѣ опрощенія оказывается еще фонетическое измѣненіе* (облако ← *обвлако),[1]) *препятствующее морфологической прозрачности слова.* Но отсюда не слѣдуетъ, что именно фонетическое измѣненіе послужило причиною опрощенія; въ этомъ убѣждаетъ масса случаевъ опрощенія, гдѣ не произошло затемняющихъ морфологическую прозрачность фонетическихъ измѣненій (ср. напр. отъ того же корня слово про͡волока); фонетическое измѣненіе въ словѣ „облако“ могло возникнуть и послѣ того, какъ это слово стало чувствоваться простымъ. Значеніе фонетическихъ измѣненій для процесса опрощенія можетъ быть опредѣлено такимъ образомъ, что они какъ бы закрѣпляютъ опрощеніе, отрѣзывая возможность генетической продукціи, но оставляя просторъ для дѣйствія ложной или народной этимологіи. Въ виду только что указаннаго значенія фонетическихъ измѣненій для нашего процесса, было бы не лишнимъ различать при опрощеніи случаи безъ фонетическихъ измѣненій и съ таковыми измѣненіями. Кромѣ *неполнаго* опрощенія, когда возможна еще продукція слова, можетъ быть опрощеніе *совершенное* или *полное.* Въ примѣръ послѣдняго можно привести слово сутки. Если бы мы вздумали по-просту разложить это слово на морфологическія части, то вѣроятно разложили бы на *сут-ки*, принявши *сут* за корень, а *ки* за суффиксъ съ окончаніемъ: такое дѣленіе получилось бы съ точки зрѣнія чутья современнаго языка. Между тѣмъ, принявши въ соображеніе этимологическія указанія, мы должны разложить это слово такъ: *су-тк-и*, гдѣ корень *тк*=**тък** (ср. ткнуть).[2])

---

[1]) Кромѣ того, разсматриваемое слово не природное русское, а перешедшее изъ другаго (хотя и близко родственнаго) нарѣчія — изъ языка церковнославянскаго; чисто русское слово было бы оболоко, въ каковомъ видѣ оно и встрѣчается въ народномъ языкѣ.

[2]) Относительно перехода значеній въ словѣ „сутки“ см.

Въ словѣ сынъ мы даже вовсе не находимъ въ русскомъ языкѣ корня этого слова, который можетъ быть обнаруженъ лишь примѣненіемъ сравнительной методы. Такъ, въ санскритѣ мы встрѣчаемъ слова *sutás* „сынъ“, *sutā́* „дочь“, которыя по происхожденію являются формами причастія прош. стр. отъ глагола *sávāmi* „рождаю“. Для названія сына въ санскритѣ имѣется еще слово *sūnús*, звукъ подъ звукъ соотвѣтствующее слову **сынъ**. Не смотря на сравнительную морфологическую ясность такихъ словъ, какъ скт. *sutás*, *sutā́*, можно думать, что и они представляли ужѐ явленіе опрощенія, т. е. чувствовались болѣе въ своемъ реальномъ, чѣмъ генетическомъ значеніи. Вполнѣ вѣроятно, что еще въ индоевропейскомъ праязыкѣ многія слова представляли опрощеніе.

И такъ, разсмотрѣніе явленій опрощенія въ современномъ русскомъ языкѣ привело насъ къ установленію градацій процесса и показало, что въ разныхъ случаяхъ начало процесса можетъ относиться къ весьма различнымъ моментамъ прошлой жизни языка, иногда даже весьма отдаленнымъ. Сказанное относится и къ другимъ индоевропейскимъ языкамъ и, смѣю думать, въ той или другой мѣрѣ ко всѣмъ человѣческимъ языкамъ. То, что генетическое значеніе уступаетъ свое мѣсто новому реальному значенію слова, представляетъ огромную важность для мысли; если бы рядомъ съ реальнымъ значеніемъ слова въ нашемъ умѣ всякій разъ являлось и генетическое, то это служило бы невообразимымъ тормазомъ мышленія.

IV. **Переразложеніе** или **абсорпція.** Основа такихъ словъ, какъ κοῦφος „легкій“, по грамматикѣ Курціуса, кончится на о. Между тѣмъ, сравнивая падежныя формы κοῦφος, κούφου, κούφῳ и т. д., мы видимъ, что сходною или общею въ нихъ частью и, стало быть, основою

Буслаевъ Ѳ. Историческая грамматика русскаго языка. Синтаксисъ (1875)[4] стр. 54—55.

является комплексъ χοοφ-. Спрашивается, какимъ же образомъ возникло ученіе объ основахъ втораго склоненія на *о*? Къ такому ученію пришли путемъ историческаго и сравнительнаго анализа языка. Возводя падежныя формы втораго склоненія къ возможно древнему состоянію, мы дѣйствительно встрѣтимъ во всѣхъ ихъ „тематическій“ гласный *о*. Такъ, у Гомера Р. ед. втораго склоненія кромѣ окончанія -ου имѣетъ еще -οιο, гдѣ въ первомъ *о* не трудно признать тематическій гласный втораго склоненія. Или, напр., обычной формѣ В. мн. на -ους соотвѣтствуетъ въ критскомъ нарѣчіи форма на -ονς; въ послѣдней мы опять находимъ *о*, который также отнесемъ къ основѣ. Анализируя подобнымъ образомъ падежныя формы втораго склоненія мы восходимъ до *болѣе древней* основы на *о* (χοοφο-). Такимъ образомъ, для древнѣйшей эпохи приходится принимать основы втораго склоненія заканчивающимися на краткій гласный *о*, для болѣе позднихъ эпохъ — на согласный. Значитъ, основы втораго склоненія въ ходѣ времени подверглись сокращенію, вмѣсто гласныхъ стали согласными. То же самое нужно сказать и о первомъ склоненіи (χώρα, δίκη). Сокращеніе древнихъ гласныхъ основъ именныхъ и глагольныхъ имѣетъ мѣсто во всѣхъ индоевропейскихъ языкахъ и, вѣроятно, началось еще въ индоевропейскомъ праязыкѣ. Представленное нами одно изъ наиболѣе широкихъ обобщеній въ индоевропейской морфологіи было впервые высказано проф. Бодуэномъ-де-Куртенэ и формулировано имъ какъ *сокращеніе основъ въ пользу окончаній*. Приведемъ его собственныя слова изъ разбора книги A. Leskien'a Handbuch der altbulgarischen Sprache (см. Ж. М. Н. Пр. 1876, ноябрь): „Мнѣ кажется, что темы, если только согласиться на ихъ существованіе, подвергаются, какъ и все въ языкѣ, постояннымъ измѣненіямъ, и именно измѣненіямъ двоякаго свойства — чисто фонетическимъ и измѣненіямъ подъ вліяніемъ аналогіи. Благодаря этимъ измѣненіямъ бывшія когда-то темы на *a-*, *i-*, *u-* и т. п. (прочность которыхъ

впрочемъ, не выдержана даже въ санскритскомъ) лишились въ славянскомъ своихъ конечныхъ гласныхъ и развились въ чисто согласныя (болѣе краткія) темы, замѣнители же ихъ когда-то конечныхъ гласныхъ вмѣстѣ съ замѣнителями древнихъ окончаній служатъ въ славянскомъ (какъ то же отчасти имѣетъ мѣсто и во всѣхъ прочихъ индо-европейскихъ) простыми окончаніями, выражающими разныя падежныя отношенія. Это я утверждаю потому, что темы для меня не суть фикціи, витающія въ туманной атмосферѣ праязыка, но живыя части склоняемыхъ и спрягаемыхъ словъ, составляющія необходимое условіе настоящей флексіи до тѣхъ поръ, пока она окончательно не выведется изъ языка, какъ это имѣетъ мѣсто, напр., въ склоненіи языковъ романскихъ, болгарскаго и всѣхъ вообще индо-европейскихъ на такъ называемой аналитической степени развитія. Объ общеиндоевропейскихъ первобытныхъ темахъ на *-a-*, *-u-*, *-i-* и т. п. нужно знать и при изслѣдованіи славянскихъ языковъ, но не для того, чтобы навязывать ихъ этимъ языкамъ безъ всякаго реальнаго основанія, а только для того, чтобъ объяснить себѣ многія явленія, которыя безъ этого остались бы совершенно непонятными“. [1])

Наблюденіе въ формахъ, подвергшихся сокращенію основъ, цѣлаго ряда фонетическихъ измѣненій при соприкосновеніи тематическаго гласнаго съ окончаніями, заставляло меня прежде усматривать въ этихъ измѣненіяхъ поводъ къ сокращенію основъ, такъ что указан-

---

[1]) Нельзя не порадоваться, что счастливая идея проф. Бодуэна-де-Куртенэ, разработывавшаяся затѣмъ и его ближайшими учениками, постепенно распространяется среди лингвистовъ; ср. между прочимъ: Будиловичъ А. Начертаніе церковнославянской грамматики, примѣнительно къ общей теоріи русскаго и другихъ родственныхъ языковъ (1883) стр. 125; Брандтъ Р. Грамматическія замѣтки. Томъ I (1886)[2] стр. 100, сноска 1; Некрасовъ Н. Очеркъ сравнительнаго ученія о звукахъ и формахъ древняго церковнославянскаго языка (1889) стр. 85.

ный видъ переразложенія формулировался мною какъ морфологическая абсорпція „подъ вліяніемъ фонетическихъ измѣненій“. Въ настоящее время я нахожу, что констатированіе фонетическихъ измѣненій въ формахъ, подвергшихся сокращенію основъ, еще не служитъ доказательствомъ того, что именно эти измѣненія и служили поводомъ къ сокращенію основъ; для такого утвержденія нужно еще установить причинное соотношеніе между этими двумя явленіями и доказать, что тутъ не случай простаго ихъ сосуществованія. А между тѣмъ рядъ фактовъ убѣждаетъ въ томъ, что фонетическія измѣненія не являются необходимымъ условіемъ морфологическаго переразложенія. Какъ на убѣдительный примѣръ морфологической абсорпціи помимо фонетическихъ измѣненій можно указать на образованіе цѣлаго ряда суффиксальныхъ морфемъ путемъ простаго переразложенія; ср. рус. *-кѣ* || *-и-кѣ*, *-н-икѣ* || *-илъ-никѣ* и т. п., или въ греч. суф. сравн. степени -τερος || -εσ-τερος; ср. далѣе широкое распространеніе путемъ аналогіи въ нѣкоторыхъ древне-греческихъ діалектахъ въ третьемъ склоненіи окончанія Д. мн. -εσσι, первоначально образовавшагося въ основахъ на -εσ- (т. е. -εσ-σι). Подобный же путь переразложенія можно предположить и въ случаяхъ тематическаго склоненія или спряженія, напр. κοῦφ-ος, λέγ-ομεν и т. п., т. е. что отдѣленіе тематическаго гласнаго отъ основы къ окончанію могло произойти еще до фонетическихъ измѣненій. [1])

---

[1]) Н. В. Крушевскій, приписывая фонетическимъ измѣненіямъ роль повода къ сокращенію основъ, старался свое соображеніе подтвердить (см. Р. Ф. В. т. IV, 1880, стр. 56, сноска) сопоставленіемъ направленія въ процессахъ морфологической абсорпціи и фонетическихъ измѣненій въ языкахъ индоевропейскихъ, гдѣ обычное направленіе въ фонетическихъ измѣненіяхъ регрессивное, съ языками, въ которыхъ фонетическія измѣненія имѣютъ прогрессивный характеръ (какъ напр. въ татарскомъ). Ему казалось, что въ послѣднихъ и направленіе морфологической абсорпціи должно быть обратное по сравненію съ

Теперь мы остановимся на разъясненіи вопроса, почему обычно окончанія и суффиксы отрываютъ звуки своей предшествующей (матеріальной) морфемы, а не наоборотъ. Такое направленіе зависитъ отъ *большей повторяемости въ рѣчи формальныхъ элементовъ по сравненію съ матеріальною частью слова.* Въ самомъ дѣлѣ, какое-нибудь слово κοῦφος въ повседневной рѣчи грека гораздо рѣже произносилось, чѣмъ напр. окончаніе -ος, -ου и др. отъ словъ втораго склоненія вообще. Эта бо́льшая частота употребленія формальныхъ элементовъ слова — окончаній и суффиксовъ — и была причиною того, что они, имѣя въ массѣ случаевъ извѣстный звукъ или комплексъ звуковъ впереди себя, стали ассоціироваться между собою по сходству уже совмѣстно съ этимъ такъ часто повторяющимся передъ ними звукомъ или комплексомъ звуковъ. [1]) При сокращеніи основъ въ пользу окончаній, какъ было уже указано, *фонетическія измѣненія* не имѣютъ значенія причины; но они служатъ закрѣпляющимъ моментомъ для сокращеннаго вида основы: въ самомъ дѣлѣ, съ возникновеніемъ такого произношенія формъ, какъ греч. κού̆φ-ου (-ū) или лат. equī, пропада-

---

языками индоевропейскими; эту мысль онъ старался иллюстрировать формулой, которая однако, какъ совершенно апріорная и безъ примѣровъ, не можетъ считаться доказательствомъ. Между тѣмъ въ татарскомъ языкѣ, какъ я показалъ это въ другомъ мѣстѣ (см. Р. Ф. В. т. XXVII, 1892, стр. 60, сноска 1), при прогрессивномъ направленіи ассимиляціи звуковъ, мы встрѣчаемъ точно такое же направленіе въ сокращеніи глагольныхъ основъ, какъ и въ языкахъ индоевропейскихъ.

[1]) Конечно, въ языкѣ есть и слова, особенно часто употребляющіяся, что́ также не остается безъ вліянія: слова эти, въ то время какъ другія слова того же типа подвергаются вліянію аналогіи, сохраняютъ нерѣдко древнія формы; напр. не простая случайность, что форма на **-мь** уцѣлѣла въ др.-цсл. именно въ глаголахъ **ѥсмь, имь, дамь, вѣмь:** глаголы эти принадлежатъ къ числу наиболѣе употребительныхъ. Другіе примѣры см. въ трудѣ Н. Крушевскаго Очеркъ науки о языкѣ, 1883, стр. 94—95 (§ 66).

етъ въ нихъ уже всякій слѣдъ прежняго тематическаго гласнаго. При ростѣ суффиксовъ (*-къ*, *-икъ*, *-никъ*, *-чикъ*...) вновь возникающій суффиксъ отрываетъ не звукъ отъ предшествующей морфемы, но какъ бы вбираетъ въ себя предъидущіе словопроизводственные элементы, напр. *-ильникъ*.

Въ разсматривавшихся нами примѣрахъ мы имѣли тотъ случай морфологической абсорпціи, когда окончаніе или суффиксъ, встрѣчаясь въ группѣ случаевъ съ извѣстнымъ звукомъ или производственнымъ элементомъ впереди, абсорбируетъ ихъ себѣ. Отъ этихъ случаевъ нужно отдѣлить тотъ видъ абсорпціи, который основывается на *ошибочной пропорціональной аналогіи*. Особенно часто онъ наблюдается при соприкосновеніи корневой морфемы съ префиксами или предлогами. Въ примѣръ можно было бы привести явленіе „эвфоническаго“ *н* въ русскомъ языкѣ, научно объясненное проф. Бодуэномъ-де-Куртенэ, или возникновеніе такого произношенія, какъ „овторникъ“, „Аршава“ и т. п., но на этихъ примѣрахъ я достаточно останавливался въ прежнихъ моихъ работахъ, а теперь приведу нѣкоторые другіе случаи. Въ греческомъ языкѣ замѣчено явленіе такъ называемыхъ „протетическихъ“ (т. е. приставленныхъ впереди слова) гласныхъ, напр. ὄ-νομα (ср. скт. nā́ma), ἀ-νήρ (ср. скт. основу nar- или nr-), ἀ-μέλγω (ср. млъжж). Такіе гласные особенно часто встрѣчаются при плавныхъ и носовыхъ, но было бы слишкомъ поспѣшнымъ ихъ возникновеніе сводить только къ природѣ плавныхъ и носовыхъ, тѣмъ болѣе что протетическіе гласные встрѣчаются въ греческомъ иногда и при иныхъ начальныхъ согласныхъ, напр. ἀ-στήρ (ср. ведійскую форму Instr. pl. stṛ́bhis „звѣздами“), ὀ-δούς (лат. dens). Какъ на одинъ изъ факторовъ въ этомъ случаѣ нужно указать на морфологическое переразложеніе: сочетаніе съ такими префиксами-предлогами какъ ἀπο- ὑπο- могло повести къ отдѣленію конечнаго *о* къ корневой морфемѣ, а сочетаніе съ ἀνα- κατα- παρα- къ такому же отдѣленію α, по аналогіи

къ тѣмъ случаямъ, гдѣ эти предлоги дѣйствительно не имѣютъ конечнаго гласнаго, т. е. при начальномъ гласномъ слѣдующей за ними корневой морфемы. Разсматриваемый нами видъ морфологической абсорпціи можетъ происходить также *во фразѣ*, т. е. при соприкосновеніи двухъ словъ. Такого рода объясненіе можно дать напр. возникновенію въ русскомъ языкѣ мѣстоименной формы *я* изъ *язъ*, или скт. tigmás вм. *stigmás „острый“ (ср. греч. στιγμός), tārā вм. *stārā „звѣзда“. Уже въ древнѣйшей изъ русскихъ грамотъ встрѣчается и на ряду съ иꙗъ, и можно думать, что поводомъ къ потерѣ конечнаго -ꙗъ слу̀жили тѣ случаи, когда слѣдующее слово начиналось тоже съ согласнаго ꙗ (напр. глаголы съ префиксомъ ꙗа-), а при малой усиленности двойнаго ꙗ могло получаться впечатлѣніе простаго ꙗ, относимаго къ слѣдующему слову [1]). Подобнымъ же образомъ къ потерѣ начальнаго *s-* въ приведенныхъ санскритскихъ словахъ могли вести тѣ случаи, когда предшествующее слово оканчивалось тѣмъ же согласнымъ, т. е. *s* (ср. также въ русскомъ дублетъ *тьнь* || *стьнь*). Изъ разсмотрѣнныхъ примѣровъ слѣдуетъ, что при „абсорпціи подъ вліяніемъ ошибочной аналогіи“ морфема можетъ утрачивать окраинные звуки, а также и пріобрѣтать новые. [2])

---

[1]) Впрочемъ, ср. Соболевскій Древній церковно-славянскій языкъ. Фонетика (1891) стр. 131.

[2]) Здѣсь же можно упомянуть о тѣхъ случаяхъ, когда при начальномъ гласномъ словѣ утверждаются согласные переходные, возникавшіе первоначально при этихъ гласныхъ только послѣ извѣстныхъ конечныхъ звуковъ предъидущихъ словъ, но затѣмъ совсѣмъ утверждавшіеся. Такъ, напр., Brugmann (Verg. Gram. I 529) объясняетъ слав. **ѥсть**, **иꙗа** || **жꙗа**, **ютро** || **оутро**, при чемъ первоначальнымъ фонетическимъ условіемъ онъ считаетъ гласное окончаніе предъидущаго слова (стр. 528, § 666). Но мнѣ кажется, онъ допустилъ здѣсь двѣ неточности: для объясненія j- передъ палятальными гласными нѣтъ необходимости предполагать вліяніе конца предъидущаго слова, въ такихъ же случаяхъ какъ **иꙗа** нужно принять вліяніе не какого-либо гласнаго окончанія предъидущаго слова, а непремѣн-

Примѣчаніе. Нужно думать, что морфологическая абсорпція играла видную роль и при происхожденіи такъ называемыхъ тематическихъ гласныхъ и образованіи первичныхъ суффиксовъ. Ср. напр. въ именахъ тематическое ŏ/ĕ: въ индо-европейскомъ праязыкѣ былъ рядъ односложныхъ корней, кончавшихся этимъ гласнымъ (ср. qo-, to- и пр.), который въ такомъ случаѣ вовсе не имѣлъ знаменательности, а затѣмъ онъ отошелъ къ окончанію (т. е. -o͡s, -o͡m и т. д.), которое въ этомъ видѣ стало затѣмъ по аналогіи прибавляться къ инымъ корнямъ, кончавшимся на согласный. Подобное объясненіе можно примѣнить и къ другимъ тематическимъ гласнымъ, равно какъ къ возникновенію нѣкоторыхъ первичныхъ суффиксовъ (напр. -ro͡-, отъ корней кончавшихся на r). Конечно, иные первичные суффиксы могли имѣть знаменательное происхожденіе, и вся трудность задачи сводится къ тому, чтобы распредѣлить суффиксы по ихъ происхожденію на эти двѣ категоріи.

но палятальнаго, особенно и. — Съ другой стороны, вслѣдствіе извѣстныхъ сочетаній во фразѣ, слово можетъ утрачивать начальное j. Такъ нужно объяснять происхожденіе начальнаго э вм. jэ въ мѣстоименныхъ словахъ этотъ, этакъ, экой, эхъ и пр. Возраженія проф. Соболевскаго (Ж. М. Н. Пр. 1894, апрѣль, стр. 430) противъ гипотезы, предполагающей въ началѣ этихъ словъ первоначально h-, нельзя не признать убѣдительными. Съ своей стороны я думаю, что и въ приведенныхъ выше мѣстоименныхъ словахъ, какъ и въ другихъ аналогичныхъ случаяхъ, должно было развиться j передъ начальнымъ ē ← *oi (ср. скт. ē-ṡás ē-ṡā́ ē-tát = рус. э́-то; частица ē-vá; ē-nam В. ед.=лат. ūnum; ср. также рус. эн-тотъ, эв-тотъ), но затѣмъ, при сочетаніи этихъ мѣстоименныхъ формъ съ предлогами, оканчивавшимися на ъ, j- утратилось, аналогично тому какъ напр. съ+ji- дало сы- (ср. сыскать, подыскать . . .), и такое произношеніе (безъ j-) приведенныхъ мѣстоименныхъ словъ утвердилось затѣмъ и независимо отъ указанныхъ условій. (Прибавлю кстати, что, по моему мнѣнію, -ы съ его видоизмѣненіями въ славянскихъ языкахъ въ И. ед. муж. р. прилагательныхъ сложныхъ получилось изъ -ъ+ji такъ же, какъ ы въ словѣ сыскáт, изъ съji-).

Въ заключеніе своей статьи я долженъ сказать, что къ факторамъ морфологіи нужно причислить также народную этимологію, но свои воззрѣнія на этотъ процессъ я надѣюсь высказать при другомъ случаѣ. Вопросъ о частяхъ рѣчи въ настоящей статьѣ оставленъ въ сторонѣ, такъ какъ онъ будетъ подробно излагаться въ моемъ Курсѣ морфологіи русскаго языка, печатаніе котораго начато въ Рус. Фил. Вѣстн.

Казань
11 янв. 1895 г.

Фундаментальная библиотека Общественных наук Академии наук СССР